

*Прот. Олег Анучин**

**БЛАГОТВОРИТЕЛЬНОСТЬ И МИЛОСЕРДИЕ
В СТРУКТУРЕ ПОВСЕДНЕВНОСТИ ГОРОДСКОГО
И СЕЛЬСКОГО НАСЕЛЕНИЯ СРЕДНЕГО ПОВОЛЖЬЯ
(XIX — НАЧАЛО XX ВЕКОВ)**

Статья посвящена проблеме создания системы социальной поддержки в XIX в. и новых форм участия в благотворительности городских и сельских сословий. Тема раскрывается на примерах благотворительности и милосердия в церковной и общественной деятельности, существенно расширивших привычные рамки благодеяний в Среднем Поволжье до организованных видов, таких как комитеты, общества, фонды, товарищества взаимопомощи и др. К концу XIX — началу XX вв. их адресатами стали бедствующие земляки, погорельцы, сироты, школьники, студенты. Обращаясь к опыту Русской Православной Церкви, автор показывает, что способность людей подавать ближнему руку помощи расценивалась прихожанами как проявление христианских добродетелей или как искупление прегрешений, поэтому крестьянская благотворительность в регионе была явлением массовым и играла роль некой духовной «скрепы».

Ключевые слова: XIX век, Среднее Поволжье, коллективная благотворительность, мелкая благотворительность, милостыня, духовный рост подающих, христианское мироощущение, система социальной помощи.

Prot. Oleg Anuchin

*Charity and mercy in the structure of everyday life of urban and rural population of the
Middle Volga region (XIX — beginning of XX centuries)*

The article is devoted to the creation of a social support system in the nineteenth century and new forms of participation in charity urban and rural classes. Topic is covered with examples of charity and mercy in Church and community activities, have significantly expanded the usual boundaries of good deeds in the Middle Volga region to the organized types, such as committees, societies, foundations, societies, etc. By the end of XIX and beginning of XX centuries had assisted the ailing countrymen, to fire victims, orphans, pupils,

* Анучин Олег Иванович — протоиерей, настоятель храма в честь Святых бессребреников и чудотворцев Космы и Дамиана с. Мусорка Ставропольского района Самарской области; anuhi@yandex.ru

students. Referring to the experience of the Russian Orthodox Church, the author shows that the ability of people to serve your neighbor a helping hand was regarded by the parishioners as a manifestation of Christian virtues, or as expiation of sins, so the peasant charity in the region was a mass phenomenon and played a role of some spiritual authority «braces».

Keywords: XIX century, the Middle Volga Region, collective charity, small charity, charity, spiritual growth, the Christian worldview, the social care system.

Россия в XXI в. переживает трудные времена, однако, имея исторический опыт преодоления кризисов в прошлом, без сомнения найдет достойный выход из этой ситуации. Своеобразным «культурным ресурсом», помогающим людям нередко просто выжить, является благотворительность. В настоящее время значительная часть населения страны нуждается в духовной, социальной или материальной помощи, что диктует необходимость возрождения, а лучше — создания новых форм социальной поддержки, с учетом деятельности системы благотворительности XIX в. Несмотря на то, что благотворительная деятельность в Среднем Поволжье, как и во всей России, регулируется законом, в ее основе лежит индивидуальная инициатива отдельных граждан, постепенное осознание прогрессивно мыслящими жертвователями личной ответственности перед обществом. Без обращения к традициям благотворительности народов России и Среднего Поволжья невозможно сохранение духовно-нравственного здоровья населения региона. Именно поэтому исследование феномена благотворительности актуально, а изучение социокультурных мотивов благотворителя важно для направления части общественной энергии в русло милосердия.

Современное общество выдвигает новые требования к эталонам для подражания молодежи. На протяжении всей российской истории их суть заключалась в преобладании духовно-нравственных мотивов поведения над материальными. Сегодня в России во главу успешной деятельности и соответственно социального статуса нередко ставятся деньги, карьера и т. п. Изменить устоявшуюся тенденцию сложно, но общество может правильно выстраивать духовно-нравственные приоритеты, применительно к обновленным целям и задачам. Для гуманистически ориентированной личности таким эталоном может стать благотворитель и меценатство. В этом контексте общественное служение, основанное на милосердии к ближнему, престижно и почетно [2, с. 392].

Благотворительность как одна из форм участия городских сословий в церковной и общественной деятельности исторически менялась, но всегда существовала в пределах приходов, города или уезда в целом. На ранних этапах городская благотворительность внешне ничем не отличалась от дворянской (в индивидуальном храмоводательстве) или крестьянской (в коллективном храмоводательстве).

В XIX в. привычные рамки благодеяний расширились на социальную сферу, что привело к организованным видам коллективной благотворительности, таким, как комитеты, общества, фонды, товарищества взаимопомощи и др. Обычно этот вид деятельности сводился к материальной помощи приходским храмам — в строительстве, поддержании благолепия, благоустройстве. К концу XIX — началу XX столетия адресатами городского бескорыстия стали бедствующие земляки, погорельцы, сироты, школьники, студенты. Важно и то,

что способность людей подавать ближнему своему руку помощи расценивалась прихожанами как проявление христианских добродетелей или как искупление прегрешений. Известные случаи благотворительности свидетельствуют о преимущественной искренней любви прихожан к своему храму, о гордости за его красоту и духовную теплоту, о подлинном сострадании к чужим бедам.

Мелкая благотворительность была присуща всему купеческо-мещанскому сословию. Состоятельная часть прихода одновременно воспринималась клиром и обществом как естественная поддержка духовенства во всех его начинаниях, — от крупных замыслов нового храмоздательства до обеспечения храмовых школ тетрадами и чернилами. Пожертвование икон, священнических облачений, литургических сосудов, сооружение новых оград, замена обветшавших полов и кровель, косметический ремонт, приобретение книг — благодеяния подобного рода являлись обыденностью во всех храмах без исключения.

В купеческих семьях, как правило, мелкой благотворительностью занималась женская половина, а мужская проявляла себя в крупных деяниях, таких, как строительство. Однако встречались и факты крупной купеческой женской благотворительности. Например, в Мордовии в 1886 г. купчиха Елизавета Селезнева получила «благословение Св. Синода с выдачей грамоты» за капитальный ремонт Спасо-Преображенской церкви в селе Матча Темниковского уезда, попечительницей которой она являлась [6].

Однако чаще преобладала разноректорность благотворительных инициатив купеческих семейств, которую определяла «гендерность» подходов разных представителей фамилий к понятию «благолепие». В этом плане можно привести пример купеческой семьи Ненюковых (вторая половина XIX столетия). Глава семьи — Лука Иванович, его сыновья Петр Лукич и Абрам Лукич, а также снохи Евдокия Ивановна, Ираида Петровна, внуки основателя династии Владимир Абрамович, Николай Абрамович, жены последних Василиса Александровна, Евдокия Андреевна. Братья Ненюковы в 1846–1854 гг. построили в Краснослободске новую каменную церковь во имя Смоленской иконы Божией Матери, надстроили двумя ярусами старую колокольню, возведенную в 1810 г. купцом Абрамом Муромцевым. Среднее поколение Ненюковых пожертвовало в храм дорогую утварь, серебряные ризы к иконам, дорогие литургические сосуды. Женская половина семьи жертвовала в Смоленскую и другие церкви города и уезда священнические облачения, иконы, утварь.

Дети старших Ненюковых и их жены входили в состав благотворительного «Общества вспомоществования недостаточным ученикам Краснослободского духовного училища», жертвовали деньги на улучшение содержания детей, а также участвовали средствами в становлении нескольких церковно-приходских школ в деревнях Краснослободского уезда, в том числе в деревне Грачевнике. Исследование показало, что помимо этого семья Ненюковых жертвовала деньги на создание библиотек в городских женском и мужском училищах. Сельское (крестьянское) училище, работавшее в Краснослободске с 1840-х гг., тоже получало от Ненюковых серьезную помощь. Ираида Петровна Ненюкова в 1880 г. пожертвовала городской женской прогимназии 4000 рублей, а затем и другие купцы города по подписному листу собрали еще некоторую сумму. Государство выделило тогда в помощь прогимназии всего 2400 рублей, и если бы не помощь

городских торговцев и предпринимателей, гимназия могла бы закрыться. В 1914 г. Ненюковы построили здание для мужской гимназии; бывало, что они на удовлетворение «гуманитарных» нужд города дарили Краснослободские земли [4, с. 156–157].

В качестве городской благотворительности необходимо упомянуть городские благотворительные комитеты. Так, под надзором Городской думы в Саранске существовал городской благотворительный комитет, который содержал детский приют со столярной и переплетной мастерскими и оказывал помощь нуждающимся жителям Саранска. Средства комитета составлялись из процентов с неприкосновенного капитала, членских взносов, пожертвований, дохода от театра и чистой прибыли от столярной и переплетной мастерских.

Благотворительное городское общество имело в собственности также учрежденную в 1868 г. купцом Петром Сергеевичем Коровиным Анастасиевскую богадельню. При ней были один каменный и четыре деревянных дома, домовая церковь, земля и имущество. Управлял богадельней особый комитет, избираемый Городской думой ежегодно. Кроме того, в городе была еще Троицкая богадельня при Троицкой церкви и ночлежный дом [1, с. 18–19].

Во многих случаях открытие учебных заведений было связано с частной инициативой и благотворительностью. В 1873 г. открылись два ремесленных учебных заведения: ремесленная школа в Краснослободске при городском четырехгодичном училище и в Саранске — при городском училище. В этом же году ремесленные отделения были открыты при Урейском сельском начальном училище и Инсарском городском училище. Во многих случаях открытие учебных заведений было связано с частной инициативой и благотворительностью [3, с. 164]. Показательной в этом смысле является история четырехлетнего ремесленного училища в с. Сабур-Мачкасы Ардатовского уезда. Средства на него были пожертвованы помещиком М. А. Краснокутским, и в сентябре 1883 г. училище было открыто.

В 90-х гг. XIX — начале XX в. активизировалось создание различных типов заведений низшего профессионального образования. Появились низшая сельскохозяйственная школа 2-го разряда в с. Оброчное Краснослободского уезда (1896), Темниковская кружевная школа (1907), ремесленное училище в с. Береговые Сыреси, ремесленное училище в Ардатове (1917) [3, с. 161–162].

Призрение было одной из наиболее распространенных форм благотворительности в провинции. По данным МВД, к этой категории относилось около 54,6% всех благотворительных учреждений Российской империи. К середине XIX в. в провинции сформировалось уже более 300 благотворительных обществ, состоявших, как правило, из чиновничье-помещичьей элиты [3, с. 166].

Индивидуальная крестьянская благотворительность в Среднем Поволжье существовала в разных формах. Так, в 1861 г. силами богатого крестьянина Тимофея Федотовича Юдина была построена значительная по размерам Никольская деревянная церковь в с. Курмачкасы Саранского уезда (ныне Ромодановский район). Этот пример показателен еще и тем, что имя благотворителя донесли до нашего времени не документы, а память земляков.

Во многих средневожских селах в исследуемый период практиковалось тайное благодеяние: по ночам крестьяне относили на стройку холсты, зерно,

ремесленные изделия и т. п. Затем все подавание продавалось, а деньги шли на стройматериалы (с. Вертелим, Низовка, Знаменское, Лада и др.). В некоторых случаях мирские сходы отдавали в аренду общественные участки пашни, чтобы пополнить церковную кассу (с. Гумны и др.). Другой обычной для региона формой благотворительности являлся бесплатный труд на стройке.

Во второй половине XIX в., после отмены крепостного права, богатые крестьяне нередко делали вклады в храм в виде сруба на школу, служебное здание или сторожку. Наиболее почтенные и зажиточные крестьяне избирались ктиторами. Исполнение обязанностей старосты в храме сочеталось с регулярными взносами в кассу храма, финансированием ремонта церковного здания, с сооружением оград, колоколен, приобретением литургических сосудов и священнических облачений. Подтверждение этому находим в епархиальной прессе, которая в XIX в. в регулярно публиковала сообщения о награждении крестьян-жертвователей [4, с. 248].

В конце XIX столетия на Среднее Поволжье обрушилась череда засушливых годов. Примечательно, как их преодолевали крестьяне — все вместе, общинно. В 1890 г. территории региона остались без урожая. «Кое-как перезимовав, мужики засеяли ниву, но урожай 1891 г. вовсе оказался не лучше. Разразился голод, люди попрятали последние запасы, многие семьи вообще оказались на грани жизни и смерти. Выход оставался один — устройство общественной столовой». Священник Михаил Петрович Магнитов, уроженец села Новое Синдрово Краснослободского уезда взялся за это трудное дело. М. Магнитов обратился к прихожанам за помощью, а также стал ездить по богатым домам, где, часто, приходилось выпрашивать хлеб, горох, крупу. Простые люди откликнулись быстрее и понесли в храм последние продукты. Так появилась бесплатная столовая, которой взялась руководить жена полицейского пристава, добровольно пришедшая на помощь священнику. Потом и сам пристав взялся собирать продукты. «Нашлись помощники и среди крестьян, откликнулись на народную беду инженеры-путейцы, строившие железную дорогу через Воскресенскую Лашму, учителя земских школ, некоторые купцы из Наровчата» [4, с. 249].

По отчетам благотворительного комитета, в столовой кормили ежедневно до 500 человек. Наступил 1892 г., но вместо ожидаемого облегчения грянула еще одна беда — эпидемия холеры, которая длилась несколько месяцев. Благодаря Благотворительному комитету были собраны не только продукты, но и деньги на лекарства и врачей [6, с. 5].

Существовала еще одна форма крестьянского милосердия, которая была настолько привычна, что даже не считалась у крестьян благотворительностью. Это — мелкая помощь людям, оказавшимся в трудной жизненной ситуации. Такая благотворительность бедных получила название милостыня. Причем к богатым за милостыней не шли, нищие стучали в двери обычных крестьян или стояли на храмовой паперти, прося подать мелочь. И им подавали, потому что бедные люди понимали, что они сами могут оказаться на паперти.

Нищенство было глубочайшим несчастьем в крестьянской среде XIX — начала XX вв. В нищенское положение попадали обычно после потери кормильца, с протянутой рукой ходили погорельцы, в голодные годы суму надевали тысячи

людей, оставшихся без хлеба. В нищенство гнали голод, эпидемии, стихийные бедствия, падеж скота. Поэтому эмпатия — сопереживание, стремление помочь другим, всегда была отличительной чертой народов, населяющих российские территории [5, с. 87].

Поданная милостыня оставалась анонимной. Нищих жалели, но на них и надеялись в духовном плане, так как они молились за милосердных. Считалось, что молитва обиженных быстрее доходит до Бога. Более того, такие представления в некоторой степени выравнивали социальные противоречия в народе. Среди крестьян обычно говорили о крайне бедном человеке, что «он не нищенствует», а «собирает пропитание», потому что, во-первых, прося подавание, богатства не соберешь, во-вторых, так народ старался проявлять деликатность к тем, кто испытывал мучительный стыд за свое положение. В этом случае можно говорить о духовном росте подающих: безусловно, проявляя милосердие человек становится лучше.

Богоугодным делом в сельской среде считалось «странноприимничество», т. е. предоставление ночлега и еды путникам, застигнутым ночью или непогодой. Привечали путников, основываясь только на традиционном доверии, не спрашивая никаких документов, даже ночью открывали двери совсем незнакомым людям. Помощь паломникам ценилась особо, т. к. они были главными «информаторами» о святых местах, тяга к которым у крестьян в исследуемый период была высокой. Единственной платой за ночлег и еду являлись «разговоры», на которые сходились и соседи. Темы в беседах поднимались самые разные — от цен на базарах до святости старцев.

Странноприимничество как важный компонент повседневности играло роль некой духовной «скрепы» традиционной культуры, являясь своеобразным механизмом передачи общих и региональных традиций, наполненных христианским мироощущением. Братство во Христе делало странников желанными гостями в каждом крестьянском доме. Более того, люди часто давали паломникам-странникам небольшие деньги на то, чтобы они в святом месте, в монастыре или скиту, поставили свечи во здравие давшим им кров. Паломники считали своим долгом выполнить наказ, нередко в поминальные записки вносились имена десятков людей, встретившихся им на долгом пути к святыням.

Крестьянская благотворительность была в регионе явлением массовым и приобретала почти всегда коллективные формы. Она являлась зримым выражением христианской морали, имевшей в деревнях и селах более отчетливые и конкретные очертания, чем в городах.

Исследование показывает, что к концу XIX в. благодаря инициативам провинциальных благотворителей складывается система социальной помощи в России и ее основные формы: общественное призрение, дешевое проживание, бесплатное обучение, трудовая и лечебная помощь и др.

В заключение следует отметить, что благотворительность и милосердие в XIX столетии стали элементом повседневности в городской и сельской среде Среднего Поволжья, что позитивно влияло на духовно-нравственные качества народов региона. Система благотворительности базировалась на традиционных ценностях, при которых общественное служение, милосердие к ближнему

было престижно и почетно. Помогая нуждающимся, человек сам становился чище и добрее. Без возрождения этой системы невозможно социальное и нравственное оздоровление, т. к. отказавшись от сострадания (эмпатии), общество оказывается неспособно поддерживать духовный рост граждан.

ЛИТЕРАТУРА

1. Алгоритмы провинциальной жизни: монография / сост. С. Б. Бахмутов; науч. ред. О. Г. Беломоева. — Саранск: Изд-во Мордов. ун-та, 2011. — 512 с.
2. Алехина Н. В., Анучин О. И., Ганина О. Н., Краснощеков В. А., Лепешкина Л. Ю., Макарова Н. В., Овсянников В. П., Овсянникова Н. В., Селиванов В. М., Суворова П. Е., Якунин В. Н. Особенности повседневной культуры средневолжского региона. — Рязань: Концепция, 2015. — 427 с.
3. Бахмутов С. Б., Танимов О. В. Историческая мозаика: социальная, юридическая, экономическая и культурная повседневность мордовского края. — Рузаевка: Рузаевский печатник, 2011. — 254 с.
4. Бахмутов С. Б., Фролкина Б. Б. Благотворительность в мордовском крае как феномен культуры повседневности (на материалах XVII — начала XX вв.). — Рузаевка: Рузаевский печатник, 2008. — 336 с.
5. Овсянников В. П. Русский социокультурный тип: миф или реальность // Запад-Россия-Восток: политическое, экономическое, техническое и культурное взаимодействие: сборник статей VIII международной научно-практической конференции / Поволжский гос. ун-т сервиса. — Тольятти: Изд-во ПВГУС, 2014. — С. 81–89.
6. Саранск уездный. Конец XIX — начало XX века: фотоальбом / авт. — сост. К. А. Горькина; худож. Ю. В. Смирнов. — Саранск: Мордов. кн. изд-во, 2001. — 136 с.